

**КРИТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ УЧЕНИЯ МАКСА ШТИРНЕРА
В РАБОТЕ «ЕДИНСТВЕННЫЙ И ЕГО
СОБСТВЕННОСТЬ». ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО АНАРХИЗМА**

А.А. Трубина

*ГОУ ВПО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова», г. Москва*

Рецензент канд. ист. наук, доцент К.М. Андерсон

Ключевые слова и фразы: диалектика Единственного и Множественного; метафизический идеализм; творчество Макса Штирнера.

Аннотация: Прделана реконструкция основных взглядов М. Штирнера на основе анализа его работы «Единственный и его собственность». Приведены доводы в пользу того, что концепция индивидуального анархизма Штирнера представляет собой доктрину элитаризма. В противовес позиции М. Штирнера аргументируется, что принцип «ничего кроме Меня» имеет ограниченную сферу применения.

Учение Макса Штирнера представлено его фундаментальной работой «Единственный и его собственность», вышедшей в 1844 г. Исследователи творчества Штирнера по-разному определяют место его идей в перспективе анархической (и шире – философской) мысли девятнадцатого века, однако, вопрос исторической принадлежности учения Штирнера и его истоки в достаточной степени проработан, чтобы утверждать: большинство крупных исследователей отводят концепции Единственного место в рамках младогегельянства.

Как известно, XIX век был веком всеохватных спекулятивно-идеалистических систем, создававшихся на фоне удивительного оптимизма в отношении возможностей человеческого познания, а наиболее значительные памятники метафизического идеализма оставила немецкая культура. Метафизический идеализм, по словам Ф. Коплстона, «несмотря на свои ошибки, представлял собой одну из наиболее основательных в истории мысли попыток достижения унифицированного концептуального гос-

Трубина Анна Александровна – аспирант кафедры «История социально-политических учений», e-mail: braines@mail.ru, ГОУ ВПО «МГУ им. М.В. Ломоносова», г. Москва.

подства над реальностью и опытом в целом» [2, с. 23]. И если рассматривать его историю как историю отдельных систем, то вне всяких сомнений, наиболее выдающийся образец спекулятивного идеализма мы обнаружим в философии Абсолютного духа Г.В.Ф. Гегеля [3]. Следует сказать, что всеохватывающий характер гегелевской диалектики позволил ей стать парадигмой исследовательских поисков в самых разнообразных направлениях: так, хорошо известна та роль, которую оказали гегелевская философия государства и права, а также философия истории, например, на диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, – для которых гегелевские построения оказывались методологическим ориентиром, и которые ставили своей целью поставить философию Гегеля «с головы на ноги». Пользуясь языком М. Фуко [4], можно было бы сказать, что для многих мыслителей XIX века Гегель стал основателем вполне определенного типа дискурсивности, что само по себе указывает на важность критически-реакционного характера постгегельянской мысли, поскольку все представители интересующего нас левогегельянства отталкивались от построений Гегеля, а их общей чертой была попытка преодоления системы метафизического идеализма в том его виде, как он был представлен в гегелевских работах: попытка преодоления мотивировалась всегда излишне спекулятивным уклоном метафизического идеализма, и всегда сводилась к поиску иных субъектов исторического, социального и политического действий.

Иоганн Каспар Шмидт (псевдоним Штирнер происходит от его студенческого прозвища *Stirn* – лоб) принадлежал к левогегельянскому крылу, и обогатил его наследие концепцией абсолютного эгоизма, представленной в его основном труде «Единственный и его собственность». Как и все гегельянцы, Штирнер вел как явную, так и скрытую полемику с Гегелем, и его гегельянская принадлежность мало у кого вызовет сомнения. Так, по мнению М.А. Курчинского книга Штирнера представляет собой «только отдельное звено в последовательной цепи философского развития, только последовательный этап в той эволюции идей, которая связывается с именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха и, наконец, самого Штирнера» [5, с. 18]. С этим согласен П.В. Рябов: «Если мы посмотрим на философию Макса Штирнера в ее ретроспективе, то станет понятно, что она является завершением той грандиозной критики и десакрализации господствовавших ценностей, которую подготовили И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, которую (робко) начал Д. Штраус, как критику официальной теологии, продолжили, обратившись уже против существующего общества и религии вообще, – братья Бауэры и Л. Фейербах, завершили же ее Макс Штирнер и Карл Маркс» [7]. Кроме того, известно, что Штирнер посещал лекции Шлейермахера и Гегеля в Берлине. Самого Штирнера относили к так называемым «Свободным» (*die Freien*) – кругу людей, собиравшихся в винном погребе Я. Гиппеля на Фридрихштрассе в Берлине. Следуя характеристике, данной биографом Штирнера, это было «...общество, состоявшее из самых разнообразных элементов, имевших лишь одну общую черту: все они были более или менее недовольны политическими и социальными условиями своего времени и, с большей или меньшей страстностью, боролись против них» [6, с. 49–50]. Ядром этого

молодого (по свидетельству того же Маккая, возраст собиравшихся на первых посиделках «банды Гиппеля» варьировался между 20 и 30 годами) разношерстного общества были братья Бруно и Эдгар Бауэры, Л. Буль, Г. Марон, а также «почти необозримая толпа» иных посетителей погребя Гиппеля, среди которых одно время был и Карл Маркс. Следует добавить, что Бруно Бауэр, безусловно лидер «Свободных», так же как и Штирнер слушал теологию у Шлейермахера и философию у Гегеля. Отсюда становится очевидным, что пафос критики гегелевской системы метафизического идеализма, столь распространенный в среде младогегельянцев, предопределил и многие черты собственно штирнеровских построений и был отнюдь не чужд последнему.

Однако следует более конкретно указать общее направление отмежевания левых гегельянцев от их великого предшественника. В чем заключался общий пафос постгегелевской философии как она представлена в трудах левых гегельянцев? Именно в противопоставлении своей мысли крайне спекулятивному характеру гегелевской философии Абсолюта, которая стремилась подменить, по мнению гегельянцев, действительную историю историей Идеи, растворить конкретное в абстрактном. Каждый из представителей младогегельянства по-своему представлял социального и исторического субъекта – для Фейербаха им был Человек, для Штирнера – отдельное, индивидуальное Я, для Маркса – производительные силы и отношения, в которые вступают люди. И несмотря на все различия перечисленных концепций их объединяет генетическое родство с тотальным господством гегелевской метафизикой, оторванной, на их взгляд, от реального функционирования индивидов в процессе исторического развития, борьба с которой и являлась центральным пунктом младогегельянской философии. Поэтому, возвращаясь к воззрениям Макса Штирнера, согласимся с мнением П.В. Рябова, который указывает на характерную особенность штирнеровского учения в этом контексте: «Во всей книге Штирнера ощущается влияние гегельянской школы: и в использовании диалектических приемов (взаимопереходы, диалектика понятий знаменитые «триады» и т.д.), и в элементах спекулятивного мышления. И все же, во многом исходя из Гегеля, Штирнер страстно и решительно отталкивается от него и нападает на важнейшие основы гегелевского мировоззрения. Для него абсолютно неприемлемы у Гегеля и его априорно-спекулятивное конструирование жизни, и его этатизм и панлогизм, и реакционная апология существующих порядков, но самое главное – полное растворение личного – в общем, живого и трепетно-неповторимого – в безличном и духовном, «моего» – в абсолютном. Сводящий человека к частному моменту развития Абсолютной Идеи Гегель, игнорирующий личность, гипостазирующий понятия, был полным антиподом Штирнера, положившего жизнь и личность в основу своего мировоззрения и яростно обличавшего культ «призраков» – идей, деспотизм Духам и мышления» [7]. «Штирнер, – говорит Баш, – есть антиГегель; это надо постоянно иметь ввиду, читая его или произнося над ним суждение» [1, с. 445].

Рассмотрим критическую реконструкцию концепции Штирнера – реконструкцию, направленную на поиск моментов внутреннего напряжения, неизбежных для столь последовательных попыток утверждения некоторо-

го принципа в качестве руководящей идеи всех построений, которую представляет собой философия Единственного. Следует отметить вслед за М.А. Курчинским, что анархизм Штирнера был, в отличие от остальных его подвидов, гораздо более ориентирован на философское обоснование борьбы с деспотизмом политических институтов, нежели на полноценные программы анархического действия или же, хотя бы, выдвижение более или менее развернутых теорий политического идеала, понятого именно анархически. Согласимся с Курчинским в том, что такое положение дел было прямым следствием последовательного утверждения одного единственного принципа – принципа «максимума индивидуальной воли», принципа абсолютного Эгоизма. «Эта идея, проникающая всю книгу Штирнера, делающая его, в конце концов, тоже «одержимым» этой всепроникающей и всеобъемлющей идеей, позволяет нам назвать Штирнера философом анархизма, или лучше – философом анархии. Делая такое ударение, мы подчеркиваем, что именно Штирнер дает философское обоснование не столько анархизму, в смысле определенного общественного движения, партии, действия, сколько анархии, как известной теории, в смысле определенного миропонимания, мировоззрения, может быть, и не претворяющегося в жизнь ..., но тем не менее занимающего свое определенное место в мире идей» [5, с. 211]. Более того, проделанная Штирнером работа по критике религии, нравственности, государства, политических институтов и передовых политических идеологий XIX века, не может быть понята вне контекста штирнеровской философии, а его философские построения крайне индивидуалистичны. Именно индивидуалистский уклон штирнеровской концепции дает основания для объединения его с виднейшими представителями анархической мысли (поскольку критика любых форм социального отчуждения ведется с позиций суверенного Я), но в то же время Штирнер, в утверждении свободы и независимости Я от любых форм порабощения, в призыве сделать Я абсолютным центром любого действия и мысли, идет гораздо дальше других анархистов. Поэтому концепцию Макса Штирнера просто, и в то же время сложно отнести к анархической традиции. Так или иначе, рассмотрению Штирнера в перспективе анархической истории мысли должна быть предпослана критическая реконструкция философских оснований его учения.

Однако перед тем как непосредственно перейти к изложению взглядов Штирнера необходимо сделать еще одну ремарку. Речь идет об отмечаемых всеми исследователями недостатках архитектоники «Единственного и его собственности» (далее «Единственного...»). Книга изобилует бесчисленными повторениями и возвращениями, поражает своей бессистемностью и в то же время целостностью, вызывает резкое неприятие малооправданными лингвистическими пассажами, что затрудняет изложение представленных в ней идей, а точнее одной идеи «в тысячах блестящих отражений, в неисчерпаемых вариациях». К тому же Штирнер постоянно наделяет используемые им слова новым смыслом, оправдывая это тем, что ему приходится воевать с «особенностями языка, испорченного философами, исковерканного верующими в государство, религию и т.п.» [5, с. 37] Таким образом, в процессе критической реконструкции философии «Единственного...» мы постараемся как можно более полно давать возможность автору данной концепции высказывать свои мысли.

Основной пафос штирнеровской книги состоит в крайнем самоустремлении: проведенное со всей последовательностью, оно отвергает любой позитивный полюс Я так, что позволяет автору с самого начала заявить: «Ничто – вот на чем я построил свое дело» [1, с. 7]; таким образом, признавая в любой форме неэгоистического самоопределения насильственное подчинение Я внешнему по отношению к нему авторитету, в результате чего Я перестает быть собственником самого себя, а его воля к самоутверждению становится лишь прикрытием самоумоления в рабском подчинении духу, религии, морали или государству. Если так, то большой проблемой становится, во-первых, штирнеровская концепция единственного Я, а во-вторых, возможность социально-политического устройства на фундаменте данной концепции.

«Видал ли ты когда-нибудь привидения?» – «Нет, я не видал, но моя бабушка видала» [1, с. 32]. Этим простым диалогом Штирнер иллюстрирует простейший факт нашего обыденного существования, а именно: большинство наших представлений основаны на вере. Вступая на путь борьбы с миром явлений, «за которым находится дух», пытаясь найти точку опоры, автор «Единственного...» следует методу сомнения, провозглашенного в философии Нового времени Р. Декартом. Однако ему не могли не быть известны минусы декартовской системы, которая не смогла последовательно осуществить заявленный принцип, прибегнув, в конечном счете, к идее Бога, явившейся фундирующим мирозданию звеном. Поэтому, продолжая сомневаться во всем, Штирнер находит в мире лишь одну сущность, достоверность которой обеспечивается ее собственным существованием – «Я Сам»; но в то же время это «Я» не следует путать ни с *res cogitans* Декарта, ни с «Абсолютным Я» Фихте, поскольку речь идет о личном «Я», существующем *hic et nunc*. «Когда Фихте говорит: “Я – это все”, то слова его, по-видимому, вполне совпадают с моими взглядами. Но Я – не *есть* все, а Я разрушает все, и только саморазрушающееся, никогда не имеющее бытия, конечное Я – действительное. Фихте говорит об “абсолютном” Я. Я же говорю о себе, о преходящем Я» [1, с. 169]. В то же время было бы ошибкой, как это делает, например, В.Ф. Саводник [8, с. 59–60], сводить позицию Штирнера к солипсизму (хотя некоторые параллели, безусловно, напрашиваются), поскольку речь не идет о несуществовании внешнего моему Я миру, а лишь о том, что мне до него «дела нет».

Но что же мы можем сказать об этом Я, если «Я один реален»? Ответ Штирнера, отсылающий нас к христианской апофатике, выглядит ошеломляющим – ничего. «Я – критерий истины, но я – не идея, а больше, чем идея, то есть невыразим» [1, с. 343], и прежде – «Ни я, ни ты не можем быть определены словесно, ибо мы *невыразимы*; только *мысли* могут быть выражены в словах, и только в словах они существуют» [1, с. 299]. Сравнение с христианской апофатикой выглядит весьма правомерным, если учесть, что Штирнер рассматривает поведение Бога как «дело чисто эгоистическое»; следовательно, и Я, и Бог – эгоисты, но достоверность Бога – большой вопрос, вопрос веры; в то время как достоверность моего существования не может быть мной оспорена. С другой стороны, становится

понятным, что является главным врагом суверенного Я – это идеи, истины, мысли, подчиняющие меня своей власти. Отвечая на вопрос Пилата: «Что есть истина?» – Штирнер беспощадно замечает: «Господин».

Каким же образом, в таком случае возможен переход от «Единственного...» к его собственности, как формулирует это Штирнер? Как можем мы использовать язык, если мысли поработают нас на каждом шагу, заставляя погружаться в «мир призраков»? Для решения этого вопроса Штирнер прибегает к наблюдению за собой, и его выводы звучат настолько необычно, что мы позволим себе привести данный отрезок целиком: «Если нужно общаться с кем-нибудь, то, конечно, я могу пользоваться лишь *человеческими* средствами, которые находятся в моем распоряжении, ибо я – человек. И действительно, только как *человек* – имею мысли; как я – я вне мыслей. Кто не может освободиться от мыслей, тот – *только* человек, раб *языка*, этого продукта людей, этого клада *человеческих* мыслей. Речь, или «слово», более всего угнетает нас, ибо она идет на нас с целым войском навязчивых идей. Наблюдай-ка за собой во время процесса мышления, и ты заметишь, что подвигаешься вперед только благодаря тому, что в каждое мгновение прекращаешь мыслить и говорить. Не только во сне, но и во время самого глубокого размышления ты таишь молчание и становишься безмысленным – и именно тогда-то более всего. И только благодаря этому отсутствию мыслей, этой «свободе мысли», так плохо понятой, или свободе от мыслей, ты обретаешь свое я. Только благодаря ей ты возвращаешься к употреблению речи как твоей *собственностью*» [1, с. 334]. Такого рода рецепт дает Штирнер в борьбе с одержимостью – «призраками», идеями, мыслями, а в конечном счете, с главным врагом Я – с языком.

Однако в таком случае непременно встает вопрос о самоприменимости штирнеровской концепции, который бросился в глаза еще К. Марксу в полной личной неприязни работе против «Святого Макса» [9, с. 103–452]. Претензии Маркса по существу сводятся к тому, что описанный Штирнером «Единственный...» в процессе реального существования и функционирования не встречается. Но в данном случае мы должны обратить внимание также на то, что невозможно указать на правильность, либо ошибочность мнений Маркса и Штирнера, поскольку авторы исходят из принципиально несводимых друг к другу позиций: в то время как Маркс рассматривает индивида с точки зрения производительных сил и отношений, в которые вовлечены люди, то есть с экономической точки зрения; Штирнер же опирается на свое Я, то есть рассматривает индивида с точки зрения психологии. Понятно, что при такой разнице исходных посылок не может быть и речи о совмещении или принятии одной из концепций – другой. Таким образом, упрек Маркса вряд ли может пошатнуть ту основу, на которой воздвиг «Единственный...» свое здание; можно сказать, что эти возражения больше касаются проблемы взаимодействия с другим Я.

В случае с другим Я проблема выглядит вполне понятной: на каких основаниях возможно выстраивать теорию социального взаимодействия, если любое взаимодействие предполагает взаимное ограничение произвола агентов? Фактически, мы должны представить себе мир (не миры!), в

котором возможно существование абсолютных эгоистов. Вступая в полемику как с коммунистами, так и с либералами Штирнер не отступает от своей изначальной позиции, пытаясь выстроить кооперацию между эгоистами лишь на основе своей концепции «Единственного», что заставляет его бросить упрек в сторону Прудона и коммунистов: «*Всем принадлежит мир? Все – это я, ты и т.д. Но вы делаете из «всех» призрак, наделяете его святостью, и таким образом «все» становятся страшным деспотом, подавляющим единичных личностей*» [1, с. 238]. В данном отрывке очевидным становится, что в то время как социализм, коммунизм и либерализм, с которыми полемизирует Штирнер, представляют сообщество людей как нечто большее, чем просто объединение входящих в него частей – индивидов – будь то государство, народ и т.д., сам автор «Единственного...» исходит из «союза эгоистов» как простой суммы индивидуальных Я. При этом не стоит забывать, что штирнеровская концепция предполагает такое отношение к другому, при котором его ценность из абсолютной превращается в соотносительную и утилитарную, служащую средством достижения эгоистических целей Единственного, его «принадлежностью» (Eigenthum). «Когда мир становится мне поперек дороги – а он всюду преграждает мне путь, – тогда я уничтожаю его, чтобы утолить им голод своего эгоизма. Ты для меня – не что иное как моя пища, точно так же, как и я для тебя. Между нами существует только одно отношение: отношение *пригодности, полезности, пользы*» [1, с. 285]. И все же Штирнер обращается к понятию «союза эгоистов», следовательно, он оставляет возможность кооперации между ними. Какова она и какие формы может приобретать? Здесь необходимо упомянуть, что единственным способом реализации цели эгоиста – «осуществления Себя» – является сила, мощь. Эта сила не является идентичной у всех эгоистов и соотносится с тем, «что я собою представляю», на что у меня «хватит силы». «Моя мощь *дает* мне *собственность*» [1, с. 173].

Следовательно, если исходить из штирнеровского анализа социального и политического отчуждения Я в институтах власти, то кооперация отдельных Я должна иметь вид борьбы за утверждение собственных волей, удовлетворения собственных эгоистических желаний; однако, как таковая она исключает какие-либо формы иерархического подчинения, поскольку иерархия подразумевает бессилие моего Я. Но в данном случае Штирнера не устраивает не наличие самой иерархии, так как Я могу быть более «слабым», а другое Я – более «сильным»; а скорее то, что наиболее совершенная форма подчинения и порабощения эгоиста – государство – уничтожает «господство человека над человеком», заменяя его господством идеи, идеи права. Именно государство подавляет эгоизм как несовместимый с самими его основами – и делает оно это властным присвоением права определять меру его эгоистической ценности, выступая опосредующим звеном между эгоистами и принуждая согласовывать их супротив устремленные воли и интересы с собой, точнее с легитимным порядком, гарантом которого выступает насилие самого государства. Государство и представляет собой такую форму опосредования, которая выдвигает норму взаимной соотнесенности волей эгоистов, а потому оно

всякий раз стремится нивелировать различие их интересов. Поскольку государство, с одной стороны, легитимно определяет правомерность поступков, а с другой, – в этом акте учреждения легитимного порядка эгоистический интерес исключается¹ как способный поставить под вопрос такое положение дел, единственной подлинной формой эгоистического действия признается преступление, причем в данном случае речь идет об одном и том же – о насилии. «*Деятельность государства заключается в насилии; свое насилие оно называет “правом”, насилие же каждой личности – “преступлением”*» [1, с. 184]. Поэтому государство должно быть исключено как несовместимое с самими основами эгоизма, как ведущее против них ожесточенную схватку за выживание, поскольку ведь и государство не сможет устоять, допусти и прими оно своеобразие эгоиста. Данное положение, в свою очередь, неизбежно приводит нас к понятию анархизма, причем не только вследствие того, что государство объявлено «врагом» человека, обязанным отправиться на свалку истории; как известно, коммунизм также назвал его в числе «врагов народа». Но, если в доктрине коммунизма государство должно исчезнуть в процессе смены различных стадий и отмереть само собой, то Штирнер говорит об уничтожении государства исключительно путем насилия. Сравнивая Штирнера с П.А. Кропоткиным, Ж. Бурдо, указывая на разницу между ними, заложенную в фундаменте их концепций, основанных в первом случае на «абсолютном эгоизме», а во втором на «чистом альтруизме», замечает: «для них обоих бомба и динамит – блестящее орудие доказательств» [10, с. 49].

Однако не только государство и опирающееся на его насилие право исключают индивидуальное Я, делая преступление единственной возможной формой эгоистического самоутверждения, но также и наиболее простые виды социального взаимодействия заковывают «Единственного...». В своем анализе «народа» Штирнер использует ключевую метафору тюрьмы как пространства, навязывающего строгие и стереотипные правила взаимодействия заключенных, тем самым исключая возможность личного общения (то есть общения в качестве эгоистов, преследующих собственные цели) между ними. Тюрьма отводит место индивиду только в качестве заключенного, и именно в пределах этой роли принимает эгоиста. Однако как в корне противоречащая свободе эгоистического самоопределения, тюрьма представляет собой чуждое пространство, – общность помещенных в этом социальном пространстве эгоистов является внешней по отношению к их воле. Штирнер допускает свободную ассоциацию эгоистов как единственно приемлемую форму социальной кооперации, в которой возможно сосуществование Единственных. В таком случае перед нами выступают две альтернативы, к которым ведет подобное понимание социального взаимодействия, зависящие от того – считает ли Штирнер возможным достижение состояния или осознания себя как «Единственного...» intersубъективным, то есть доступным всем, либо концепция «Единственного...» представляет собой некую разновидность элитаризма.

¹ Без сомнения, полное исключение эгоистического интереса происходит только в самых крайних случаях, одним из которых является тюремное заключение, и именно поэтому в концепции Штирнера тюрьма является идеалом государственного устройства.

Причем, в первом случае нам придется признать, что без некоторой «предустановленной гармонии воль» данное сосуществование невозможно. Однако мы можем с уверенностью сказать, что сам автор вряд ли склонялся к первому варианту, поскольку ограниченные в своих способностях «образуют бесспорно наиболее многочисленный класс людей» [1, с. 313]. Таким образом, концепция индивидуального анархизма Штирнера представляет собой в некотором роде доктрину элитаризма, что вовсе не противоречит исходным посылкам, на которых «строит свое дело» «Единственный...», так как утверждает он, повсюду существуют «более способные» и «менее способные»; можно также предположить, что этим объясняется популярность «Единственного...» в среде художников и писателей, с присущими им элитарным претензиями на исключительное своеобразие.

И все же, несмотря на строгую последовательность взглядов Штирнера, проводившего принцип «ничего кроме Меня», мы можем утверждать, что власть этого принципа имеет ограниченную сферу применения, причем ограничивается он самим Я, и попытка перенесения его в сферу взаимодействия индивидов неизбежно наталкивается на внутренние противоречия. Речь идет не о том, что мы не сталкиваемся в реальной жизни с «Единственным...», поскольку судить об этом может лишь он сам. Это факт, как было замечено ранее, психологический. Но проблема возникает в тот момент, когда мы пытаемся реализовать на практике методы, предлагаемые Штирнером для «союза эгоистов». Разбирая пример с батраками [1, с. 258–260], Э. Бернштейн подвергает его беспощадной критике: «Если он заставляет «батраков» объявить хозяевам, что они отныне не будут более наниматься «ниже цены» – мы не касаемся весьма неясного экономического способа выражений, – то он уже предполагает единоподушие *всех* батраков, не эгоизм «единственного», а множественность, *класс*» [1, с. 378]. Другими словами, можно с уверенностью сказать, что в сфере экономических отношений «Единственный...» обречен на провал, его философия здесь бессильна.

Подводя итог проделанной реконструкции основных взглядов «Единственного и его собственности», мы можем констатировать, что осуществленная в данной работе критика гегелевского (и шире – метафизического) идеализма с позиций суверенного Я, безусловно, успешна в рамках концепции «Единственного...». Но, поскольку сам Штирнер признает, что «первобытное состояние человека – не обособленность или одиночество, а общественность... Общество – наше природное состояние» [1, с. 294], то попытка выстроить на данном фундаменте адекватную картину гипотетической социально-политической реальности терпит крах, наталкиваясь на Множественность.

Список литературы

1. Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Харьков : Основа, 1994. – 560 с.
2. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше : пер. с англ. / Ф. Коплстон : вступ. ст. и примеч. В.В. Васильева. – М. : Республика, 2004. – 542 с.

3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3 : Философия духа / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – 471 с.
 4. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : пер. с франц. / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
 5. Курчинский, М.А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии / М.А. Курчинский. – 2-е изд. испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
 6. Маккай, Дж.Г. Макс Штирнер, его жизнь и творчество / Дж.Г. Маккай : пер. с нем. под ред. А. Даманской. – СПб. : Электронпечатня Я. Левенштейн, 1907. – 215 с.
 7. Рябов, П.В. Философия классического анархизма (проблема личности) / П.В. Рябов. – М. : Вуз. книга, 2007. – 340 с.
 8. Саводник, В. Ницшеанец 40-х годов: Макс Штирнер и его философия эгоизма / В. Саводник. – Москва : Т-во И.Н. Кушнерев и К, 1902. – 90 с.
 9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. в 50 т. – 2-е изд. – Т. 3.
 10. Бурдо, Ж. Властители дум: Пророки силы, добра и красоты. Ре-нан. Штирнер. Ницше. Толстой. Рёскин / Ж. Бурдо. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
-

Critical Reconstruction of Fundamentals of Max Stirner's Doctrine in "The Ego and its Own": Theoretical Aspects of Individual Anarchism

A.A. Trubina

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow*

Key words and phrases: dialectics of «Singularity...» and Plurality; metaphysical idealism; Max Stirner's creative work.

Abstract: The paper presents the reconstruction of the fundamentals of M. Stirner's doctrine based on the analysis of his work "The Ego and its Own". Arguments in favor of Stirner's concept of individual anarchism as the doctrine of elitism are given. In contrast to M. Stirner's ideology the paper argues that the principle of "nothing but me" has a limited scope.

© А.А. Трубина, 2011